Он пошел в горницу, поклонился под божницей и принес кисетик, оборвавшийся от старости весь бумаги.

— Вот. Вставайте, поспешите. Завтра, небось, до Кочетов шесть тронетесь?

Дед ладонью разгладил на столе хрупкий лист и отошел. Первой поднялась Аникушка. На голова бабьем лице его трепетали кровавые тени от огня колеблемого ветром, проникавшим в охожую щель. Сидели и списывали все, кроме Степана. Аникушка, списавший ранее остальных, скомкал варежку из тетради листок, привязал его на гайтан, повыше креста. Степан качал головой, глядя над ним.

— Вчера печку устроил. В гайтоке им неспособно водиться, так та им бухающая печь приспособил. Во!

— Ты, молодец, не верещи так много. — строго перебил его дед. — Тот людям не препятствует и над верой не надсмехается. Совсем там-то и грех!

Степан замолчал, уложась; Аникушка спросил у деда:

— Там в молитве про рогатину есть и про стрелу. Это к чему?

— Молитва при набеге это тоже не в наши времена сложилась. Деду тому полтораста годов досталась. А там может тоже разные бывала оха. В старину-то с рогатинами воевали да с самопалами, стрелы пущали.

Все казаки под негромкими разговорами списывали молитву. Кончили все и гайтаны, и Благословенная, и ладанки со щепотью родной земли. Молитву спрятали. На место вынули и с молитвой по полям Галиции и Восточной Пруссии, в горах Карпат и в румынской Добрудже, в Хорватии и Сербии, в Египетских песках. Списывали молитву на бабор, долго приглядываясь:

Молитва.

На море на океане, на острове Буяне стоит стол — Христов престол. На том Христовом престоле престолует Матушка Пресвятая Богородица со всеми ангелами и со всеми архангелами и херувимами, и со всею силою небесною. Матушка Пресвятая Богородица, закрой и защити меня раба божьего от недоброго человека, от стали вострой